

УДК 808.2-3(09)

Т.Г. Трофимович

Категория предметности и изучение номинативных процессов в языке старорусской деловой письменности

Общеизвестно, что в системе номинативных средств любого языка противопоставлены единицы, приспособленные к идентификации элементов действительности и к сообщению об их признаках (имена и предикаты). Имя – это слово или словосочетание, именующее субстанцию, в то время как предикат – это сообщение о свойствах субстанции [1]. По сути такое противопоставление можно трактовать как оппозицию предметных и не предметных наименований, поскольку названия признаков, качеств, состояний, процессов, абстрактных понятий отвлечены от субстанциональных свойств названий

предметов (вещей и живых существ). Стремление подобным образом дифференцировать номинативные единицы неизбежно приводит к необходимости осознания онтологических и семантических свойств членов указанной оппозиции.

Понятие предметности в лингвистике, вообще, и ономазиологии, в частности, относится к числу сложных и неоднозначных. Считается, что предметное слово (англ. *presentive word*) непосредственно и самостоятельно указывает на предмет, т.е. вызывает соответствующее понятие у слушающего само по себе, как таковое [2], дает возможность мыслить предметно, в виде названия, а «значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия» [3]. Когнитологи и концептуалисты, определяя список концептов различных языков, единогласно на первое место выносят понятие предмета (наряду с понятиями процесса и деятельности) [4].

Приведенные толкования предметности сложились в лингвистической науке в результате длительного осмысления сущности этой категории, начатого А.М. Пешковским в известной книге «Русский синтаксис в научном освещении». Философское понимание предмета сыграло в этом немалую роль. «Философская энциклопедия» утверждает, что «предмет, то же, что вещь, – отдельная часть, единица существующего; все то, что может находиться в отношении или обладать каким-либо свойством. Предметы могут быть материальными и идеальными. Любая совокупность предметов, объединенных некоторым отношением, представляет собой новый предмет с теми или иными свойствами» [5]. Такое определение предполагает особые онтологические свойства явления, которое, существуя в нашем сознании как нечто само собой разумеющееся, с трудом поддается квалификационной характеристике. Само слово *предмет* имеет в современном русском языке несколько значений, первые два из которых, как нам кажется, содержат наиболее значимые характеристики явления. *Предмет*–1. Всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств и мышлением как нечто существующее особо. 2. Явление действительности, факт (СРЯ, т. III, с. 366).

Рассмотренные дефиниции, принадлежащие разным областям человеческого знания, тем не менее, позволяют отметить ряд важных черт предмета. Предмет необязательно материален, он воспринимается органами чувств и мышлением, существует особо.

Наиболее последовательное и аргументированное описание онтологических, гносеологических и семантических свойств предметности, а также определение объема предметных имен находим в монографии Д.И. Руденко «Имя в парадигмах «философии языка» [6] и книге «Философия имени: в поисках новых пространств» Д.И. Руденко и Ю.И. Сватко [7]. Считая имя наиболее типичным словом, а предмет – одной из основных категорий членения мира (вслед за П. Флоренским и А.Ф. Лосевым), ученые утверждают, что «в естественном языке выражения, не обозначающие реальных физических референтов, обычно являются вполне значимыми, осмысленными, т.е. они вряд ли отличаются от имен, соотношенных с реальными предметами» [6, с. 33-36]. Отсюда следует, что процедура дискретизации действительности, отраженная в языке и связанная прежде всего с присвоением имени, далеко не всегда подразумевает ощущение субстанциональности, эта субстанциональность может подразумеваться. Действительно, субстантивность слов вначале устанавливается, а затем уже начинаются сомнения в их предметности [6, с. 31].

В том случае, когда предмет и предметность рассматриваются как лингвистические категории, очевидной оказывается необходимость выявить и

учесть соотношение имени предмета и объекта, а также определить конститутивные свойства этого имени. Исследователи справедливо считают, что сам объект и его имя следует различать, что ни в коем случае нельзя подменять изучение имен объекта изучением его реальных свойств [8]. Это значит, что классическая семантическая триада «реалия–понятие–имя» подразумевает, говоря словами Н.Д. Арутюновой, номинативную конвенцию, т.е. договор о наименовании. Это именно такой договор, а не договор о значении слова. «Процесс познания предмета начинается с его вычленения из окружающей действительности и его отделения от пространственного фона. Для того, чтобы познать и поименовать предмет, необходимо перерезать пуповину, соединяющую его с монолитом природы» [9]. В процессе номинации реальные свойства объекта подвергаются выявлению, категоризации, что выливается в форму определенного звукового ряда, представляющего собой имя объекта. Материальная идентичность или, точнее, единство организма, а иногда и химического состава не могут заставить, например, считать бабочку и гусеницу или воду, пар, снег и иней названиями одного и того же предмета [9, с. 19]. Именно поэтому предметность имени не обязательно сопряжена с материальностью объекта, этим именем названного, нельзя отождествлять тело с предметом вообще [6, с. 31].

Представление о предметности прочно связано с именем существительным, в определении которого как грамматической единицы присутствует понятие предмета. Так, например, В.В. Виноградов считал, что «грамматическим стержнем имен является категория имени существительного. Под эту категорию подводятся слова, выражающие предметность и представляющую ее в формах рода, числа и падежа. Категория имени существительного позволяет мыслить предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия с качествах и действиях» [1, с. 46]. Авторы Русской грамматики-80 считают, что «имя существительное – это часть речи, обозначающая предмет (субстанцию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [10]. Симптоматично, что здесь же указывается: существительные называют предметы в широком смысле слова; это названия вещей, лиц, веществ, живых существ и организмов, фактов, событий, явлений, а также названные как независимые самостоятельные субстанции непроецессуальных и процессуальных признаков (качеств, свойств, действий, состояний). В таком подходе, безусловно, на первый план выдвинуты грамматические свойства имени существительного, хотя его номинативные функции вряд ли оставлены без внимания.

Приведенные суждения вовсе не означают, что категория предметности по объему совпадает с категорией имени существительного. Достаточно подвижная граница между этими категориями может быть обозначена с учетом уже упоминавшейся оппозиции имя–предикат. Чем больше в онтологических характеристиках наименования предикативного, тем меньше предметного. Именно поэтому чаще всего не считаются предметными наименования абстрактных понятий, имена действий, результатов процессов или состояний. Существует мнение о том, что промежуточное положение между именами предметов и признаков занимают функциональные и реляционные имена лиц, обозначающие их по роду занятий, отношений к другим лицам или предметам (учитель, внук, хозяин), а также общие имена (человек, вещь) [1, с. 336]. Такой подход правомерен, как нам представляется, при стремлении детализировать сущность наименований, концептуально же и эти имена являются предметными номинациями, поскольку в основных, значимых чертах соответствуют им.

Если существительное является именем предмета, то при любой трактовке предметности вырисовывается понимание неоднородности предметных наименований. Тем ядром, которое отображает субстанциональный чувственно осязаемый образ обозначаемого, оказываются наименования предметов, живых существ, а также артефактов. С этим трудно не согласиться, поскольку именно они служат средством названия субстанции—«объективной реальности, материи в аспекте единства всех форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противопоставлений» [5, т. 5, с. 151]. По мере отвлечения от субстанциональных свойств возрастает степень абстрактности номинации, поэтому объем предметных наименований определить довольно сложно.

В известной специалистам коллективной монографии «Языковая номинация. Виды наименований» (1977) А.А. Уфимцева пишет о том, что основным критерием отграничения предметных имен при ономастическом анализе является характер прямого номинативного значения, детерминированного типом денотата и сигнификата [11]. Нельзя не согласиться с мнением о том, что предметные имена выполняют номинативно-репрезентативную и сигнификативную функции, т.е. функции обозначения, замещения предмета и обобщения. Действительно, учет соотношения в имени этих функций дает возможность определить объем предметных имен, постулируя общепринятую идею об их неоднородности. Центр категории предметных наименований составляют названия реальных предметов. В этих названиях экспонентом денотата является конкретный предмет, находящийся с обозначенным классом предметов в отношении включения, членства. Это названия географических объектов, объектов растительного мира, частей тела, сооружений, зданий, заведений, учреждений, предприятий, предметов домашнего обихода. Идея предметности совершенно справедливо связывается с идеей количества. Д.И. Руденко считает, что имена свободно исчисляемых предметов составляют центр категории предметности [6, с. 66]. Во всех остальных предметных наименованиях в той или иной степени ослабевает денотативная функция и усиливается сигнификативная. При таком подходе абстрактные имена типа *глубина*, *ширина* и т.п. считаются предметными, поскольку они имеют сигнификативное значение, а предметом обозначения является представление о несуществующем предмете [11, с. 66]. Такой подход расширяет категорию предметных имен, относя к ним не только референтные, но и безреферентные наименования.

Таким образом, в настоящее время предметность осознана в лингвистике как реально существующая категория референтных и безреферентных наименований, противопоставленных наименованиям предикативным. Предметными можно считать единицы, которые непосредственно и самостоятельно называют предмет в широком смысле слова, обеспечивают возможность мыслить предметно, в форме названий, именуют явления действительности, воспринимаемые носителем языка как предметы и как предметы, существующие в сознании языковой личности.

Свойства предметов и отношения между ними разнообразны и многоаспектны, поэтому широкое понимание предметности не просто возможно, но и целесообразно с научной точки зрения, поскольку позволяет выявить разнообразные качества предметных имен. Мы считаем, что выводить, например, наименования лиц по роду занятий, профессии и т.д. из состава предметных не следует, поскольку налицо референт, являющийся экспонентом денотата. И даже если в имени нулевой или приближающийся к нему экспонент, оно может быть отнесено к предметным, если названное им явление действи-

тельности воспринимается как предмет (*вещь, факт, семья, признак, субстанция* и т.д.).

Исключительная значимость предметных наименований в дискретизации окружающей действительности и ее осознании делает ономаσιологическое изучение этих названий актуальным. В языке старорусской деловой письменности представлена особая система предметных наименований, обусловленная назначением этой разновидности книжно-письменного языка. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют названия, относящиеся к юридической сфере: названия лиц как объектов и субъектов права, названия налогов, штрафов, пошлин, мест, земельных участков, угодий, помещений, имущества, документов. Их предметная сущность сомнений не вызывает.

Обращение к языку старорусской деловой письменности позволяет выявить в системе его предметных наименований атрибутивно-субстантивные словосочетания, которые представлены крайне широко. В связи с этим встает вопрос о том, являются ли словосочетания номинативными единицами. Единой точки зрения на это не существует. Вслед за Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым авторы коллективной монографии «Языковая номинация» (1977), «Русской грамматики» (1980), «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990) и др. считают, что словосочетание, наряду со словом может быть признано номинативной единицей. Вместе с тем, многие исследователи (Т.А. Тулина, Г.А. Золотова, Ю.С. Долгов, Е.Н. Смольянинова и др.) высказывают мысль о том, что словосочетание не равно слову по номинативной функции и не может считаться единицей называющей [12].

На наш взгляд, в номинативном статусе атрибутивно-субстантивных словосочетаний сомневаться не приходится. Эта единица имеет денотативно-сигнификативное содержание, ее компоненты как бы «утрачивают свою номинативную самостоятельность, перераспределяют значения и образуют иные, более сложные формальные и содержательные зависимости» [13]. Атрибутивный характер отношений компонентов подразумевает, что носителем признака является называемый предмет (лицо). Еще А.А. Шахматов заметил, что «атрибут есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия» [14]. Основные черты номинативной единицы атрибутивно-субстантивному словосочетанию свойственны, поскольку оно обладает идентифицирующим свойством и способно актуализироваться. Мы считаем, что субстантивно-атрибутивные словосочетания можно отнести к предметным наименованиям, поскольку все свойства названий этой категории им присущи. Более того, при ближайшем рассмотрении устанавливается структурный изоморфизм производного наименования и соотносимого с ним субстантивно-атрибутивного словосочетания. Язык старорусской деловой письменности, в котором параллельно функционировали соотносительные универбы и бивербы типа *люди понятые – понятые, мастер сапожный – сапожник*, предоставляет возможность выявить в каждом члене такой пары ономаσιологический базис и ономаσιологический признак.

Субстантивно-атрибутивное словосочетание можно рассматривать как вторичное неавтономное наименование, поскольку в его возникновении задействована комбинаторная техника. Отсюда следует, что производные универбы и бивербы указанного типа целесообразно анализировать как компоненты единой системы предметных наименований, а применение в качестве типологизирующего параметра признака, положенного в основу именованного, позволит установить их типы.

К числу предметных имен должны быть отнесены и фразеологизмы (или фразеологизированные средства), называющие предметы. Известно, что в иерархии языковых единиц фразеологизмы максимально приближены к сло-

ву, поэтому предметный статус таких единиц, как, например, *дети боярские* (*княжеские дружинники*) или *белая земля* (*освобожденная от феодальной повинности*) сомнений не вызывает. Здесь возникает проблема другого свойства, она касается объема фразеологии или, по-другому, присутствия и выявления у неоднословных наименований черт фразеологических единиц. Это отдельный разговор, но в любом случае в системе предметных наименований совершенно правомерно окажутся слова, фразеологизмы и неоднословные атрибутивно-субстантивные наименования, при этом граница между двумя последними типами единиц будет подвижной, неоднозначной. Язык старорусской деловой письменности зафиксировал своеобразную систему предметной номинации, изучение которой актуально и перспективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 175, 336, 394.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1968. С. 349.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. С. 46.
4. *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 85.
5. *Философская энциклопедия*. Т. 1-5. М., 1961. Т. 4. С. 356.
6. *Руденко Д.И.* Имя в парадигмах «философии языка». Харьков, 1990. – 283 с.
7. *Руденко Д.И., Сватко Ю.И.* Философия имени: в поисках новых пространств. Харьков, 1993. – 208 с.
8. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен. Семантика и сочетаемость. М., 2000. С. 27.
9. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. С. 3.
10. *Русская грамматика*. Т.1. М., 1980. С. 460.
11. *Языковая номинация. Виды наименований*. М., 1977. С. 61.
12. *Смольянинова Е.Н.* Словосочетание в теоретическом и методическом аспекте. Л., 1990. С. 14.
13. *Снитко Е.С.* Внутренняя форма в процессах номинации. Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Киев, 1990. С. 50.
14. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 502.

S U M M A R Y

Essence of category of presentivity, ontological and semantical features of presentive names, their components in ancientrussian business language are regared.

Поступила в редакцию 30.09.2002